

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С.ПУШКИНА «Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...»: К ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ АДРЕСАТА

МАРИАННА МКРТЧЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению пушкинского стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье...») с позиции выявления интертекстуальных связей на основе сопоставления с другими стихотворениями поэта, а также с произведениями В.А. Жуковского, являющегося автором известной строки «Гений чистой красоты». Общепринятым адресатом стихотворения является А.П. Керн, хотя эта версия многократно подвергалась сомнению. В качестве адресата называют также императрицу Елизавету Алексеевну. Нами эта версия проверяется и подтверждается с позиции интертекстуального подхода. Анализ нескольких стихотворений Пушкина с точки зрения образного и лексического строя произведений, переключек тем и мотивов, особенностей работы поэта над текстом показывает, что рассматриваемое стихотворение стоит в одном ряду с другими произведениями Пушкина, образующими некое единство и объединенными одним адресатом. К ним относятся «К ней», «Дубравы, где в тиши свободы...», «К Н.Я. П<люсковой>», «В начале жизни школу помню я...». В свою очередь позаимствованная Пушкиным у Жуковского строка «Гений чистой красоты» вводит в текст стихотворения целый комплекс дополнительных имплицитных смыслов, которые никак не укладываются в версию о Керн, как о его адресате. Прделанный анализ текстов обоих поэтов лишний раз убедительно говорит о необходимости пересмотра адресата и включения второй версии в учебники и учебные пособия.

Ключевые слова: «Я помню чудное мгновенье...», «Гений чистой красоты», А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, интертекстуальный анализ, адресат стихотворения, А.П. Керн, Императрица Елизавета Алексеевна.

* **Марианна Мкртчян** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЕГУ.
Մարիաննա Մկրտչյան – քաճաիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի դոցենտ

Marianna Mkrtchyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, YSU Chair of Russian Literature

Эл. почта: marianna.mkrtchyan@ysu.am <https://orcid.org/0009-0002-6521-2947>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 27.11.2024

Рецензия: 24.12.2024

Одобрено: 27.12.2024

© The Author(s) 2024

Введение

Стихотворение А.С.Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») относится к числу прецедентных текстов русской культуры. С полной уверенностью можно утверждать, что мало найдется не только русских, но и русскоязычных людей, которым бы не была известна первая строка этого стихотворения. И столь же хорошо известно, что адресатом его считают Анну Петровну Керн. Стихотворение часто так и печатают – «К*** <А.П.Керн>»¹. Оно стало соотноситься с именем Керн с ее подачи, хотя ее же рассказ об обстоятельствах получения автографа вызывает сомнение в данной версии, ставшей, тем не менее, общепринятой. Правда, в пушкиноведении не раз высказывались сомнения на этот счет. Они принадлежали В.С.Соловьеву, М.О.Гершензону, В.В.Вересаеву и др. Как правило, возвышенный образ в стихотворении и пушкинские высказывания о Керн в письмах трудно соотнести друг с другом. В результате, пришлось сойтись на том, что Б.М. Гаспаров обобщил следующим образом: «...двойственность и в то же время взаимная дополнительность образа типична для Пушкина <...> Эта черта проявлялась, например, в поразительных контрастах между возвышенно-лирическим женским образом (стихотворение «К*** <А.П.Керн>») и циническими шутками по тому же адресу...» [Гаспаров, 1992, с.250].

С относительно недавних пор полемика вокруг адресата этого стихотворения оживилась. И все чаще исследователями высказывается мнение о том, что оно адресовано императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I, которую называют «утаенной» любовью поэта. Версия эта не очень поддерживается официальным пушкиноведением, что объяснимо: мнения, устоявшиеся как в научном сознании, так и в представлениях обывателя (в данном уже в течение двух веков), с трудом поддаются пересмотру. И все-таки не стоит бояться их пересматривать. Такая готовность демонстрируется и со стороны известных пушкинистов. Например, В. Непомнящий, бывший председателем Пушкинской комиссии Института мировой литературы РАН, в комментарии к статье И.Варламовой «Александр Пушкин мог быть влюблен в императрицу Елизавету» в «Российской газете» отмечает: «Такая версия существует. Она излагается в интересной книге Киры Викторовой «Пушкин и императрица. Тайная любовь». Пушкин, действительно, трепетно относился к императрице Елизавете, можно даже сказать, что он боготворил ее. Однако точного доказательства, что знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье» посвящено именно супруге Александра I, нет. Это можно принять только в качестве предположения» [Варламова, 2014]. Этой версии придерживался С.С. Гейченко, долгие годы бывший директором Пушкинского музея-заповедника в Михайловском. О любви Пушкина к императрице и отражении ее в его творчестве писали также Л.Аринштейн («Пушкин: И про царей и про цариц», 2012), Л.Васильева («Жена и муза. Тайна Александра Пушкина») и др.

---

¹ Справедливости ради отметим, что так его обозначал и Пушкин в списках стихотворений изданий 1827 и 1828 годов. Однако, на наш взгляд, эти обозначения можно отнести либо к разряду «удобных» для Пушкина (к тому времени А.Керн уже «присвоила» стихотворение себе), или к категории пушкинских мистификаций, таких, как подзаголовки «с латинского» к стихотворению «Лицинию», «Сцена из Ченстоновой трагикомедии: The Covetous Knight» к «Скупому рыцарю» или «Из Пиндемонти» («Не дорого ценю я громкие права...»). Далее будет понятно, почему мы так считаем.

В примечаниях третьего тома полного собрания сочинений Пушкина в 20-ти томах (том 3, книга 1) говорится, что «версия, согласно которой стихотворение «К***» обращено к Императрице Елизавете Алексеевне <...> не имеет никаких подтверждений» [Пушкин, 2019, 3(1), с.705]

Точных доказательств этой версии, действительно, быть не может, так как в фактах биографии Пушкина, изученной вдоль и поперек, трудно обнаружить что-то новое. Но о многом могут говорить сами тексты произведений поэта. Целью нашей статьи является исследовать этот вопрос, опираясь исключительно на интертекстуальные связи, тем более, что само стихотворение является ярким примером диалога текстов.

В отношении интертекстуальности, в процессе осмысления которой накопилось много определений, мы придерживаемся следующего: «Интертекстуальность – это слагаемое широкого родового понятия, так сказать, и н т е р /.../ а л ь н о с т и, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе, или в предшествующей литературе» [Смирнов, 1985, с.12]. В нашем случае интертекстуальный анализ помогает вскрыть генезис стихотворения Пушкина, указать на дополнительные смыслы за счет системы значений претекста и по-новому взглянуть на возможного адресата.

Анализ происхождения тем и мотивов стихотворения «К*» на базе сопоставления его с другими пушкинскими стихотворениями**

Знаменитые слова «Гений чистой красоты», ассоциирующиеся у большинства с Пушкиным, принадлежат В.А. Жуковскому. Это сочетание упоминается в его стихотворениях «Лалла Рук» (1821) и «Я музу юную бывало...» (1824), а также в «письме о Дрезденской галерее», озаглавленном «Рафаэлева Мадонна» (1824), в котором поэт цитирует свое собственное стихотворение. Еще одно стихотворение из этого цикла, уже без упоминания в нем названных строк – «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (февраль 1821 г.). Оно представляет собой перевод стихотворения Гедвиги фон Штегеманн «An die Grossfürstin Alexandra als Lalla Rookh» («Великой княгине Александре – Лалле Рук»).

Имя Лалла Рук восходит к одноименной романтической «восточной повести» англо-ирландского поэта Томаса Мура и принадлежит в ней индийской принцессе. В творчестве Жуковского оно также связано с немецкой принцессой (один из первых и значимых фактов в пользу версии об императрице, хотя и не единственный), а именно, с Александрой Федоровной, дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III, принцессой Шарлоттой, ставшей женой Николая Павловича (будущего Николая I). В честь этой супружеской пары зимой 1821 года в Берлине при дворе прусским королем был устроен праздник с постановкой так называемых «живых картин», эпизодов из названного произведения Мура. Принцессу Лаллу Рук и ее возлюбленного, бухарского хана Алириса, скрывавшегося под видом поэта Фераморса (принцесса и поэт – второй факт), представляли Александра Фёдоровна и ее супруг. С тех пор за ней закрепилось это прозвание, став достаточно распространенным. В апреле 1821 г. Жуковский даже издавал рукописный журнал «Лалла Рук».

Стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» тематически оказывается всегда в разделе любовной лирики, что вполне обосновано, хотя есть мнение о том, что оно связано исключительно с темой поэтического вдохновения, что было высказано, в частности, А.И.Белецким. Это крайняя точка зрения, и она не была поддержана исследователями, хотя тема вдохновения, действительно, является важным центром, вокруг которого стихотворение построено. Е.Н. Егорова, приводя несколько примеров из Пушкина и его современников отмечает, что «в 1824 году в Михайловском Пушкин обращается вновь к теме возрождения души под влиянием воскресшей красоты» [Егорова, 2008]. Однако в этом стихотворении душа лирического героя не просто возрождается, с появлением возлюбленной на нее нисходит вдохновение. На теме вдохновения построено и стихотворение Жуковского «Я музу юную, бывало...» (1824). И хотя тема достаточно распространенная для романтизма того времени, важно разобраться, у кого из двух поэтов она появилась первой.

У Пушкина есть стихотворение 1817 года «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...»). Сходство двух произведений было отмечено еще П.В. Анненковым в 1855 году. Он сопроводил стихотворение «К ней» следующим примечанием: «Основную мысль стихотворения Пушкин воспроизвел в другой и превосходной форме спустя 8 лет, именно в пьесе «Я помню чудное мгновенье», принадлежащей уже к 1825 году». [Цит. по: Томашевский, 1961, с.77]. Указывал на сходство и Б.В. Томашевский, говоря об общем «состоянии души» и «творческого порыва» обоих стихотворений. Вот как он его описывает: «...после состояния подавленности, сопровождаемого творческим бесплодием, наступает пробуждение под влиянием внезапного порыва любви, при этом обостряется чувство жизни во всех ее проявлениях – чувство, очищающее душу; и снова воскресают творческие силы» [Томашевский, 1961, с.78]. Впоследствии это сходство неоднократно отмечалось в современных статьях по теме без углубленного анализа обоих текстов, который мы и проведем.

В обоих пушкинских стихотворениях утраченное и вновь пробужденное вдохновение без сомнения связано с чувством любви:

*Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!.. («К ней») [Пушкин, 2004, 2(1), с.11]*

Так к чьим же ногам нес Пушкин свои «воскреснувшие струны»?

Интересно, что при жизни Пушкина это стихотворение не было опубликовано. Е.Н.Егорова по этому поводу пишет: «Пушкин был строг к себе: эти хорошие и во многом оригинальные стихотворения так и остались неопубликованными при его жизни. Видимо, чем-то они его не удовлетворяли, потому и попали в своего рода «творческий задел» поэта» [Егорова, 2008]. Здесь имеется в виду и стихотворение «К ней». Относительно этого стихотворения с этим мнением согласиться трудно, так как намерение опубликовать его у Пушкина было. «К ней» было включено в цензурную рукопись стихотворений 1826 года. В 1825 году в варианте его копии (в «тетради Всевожского») Пушкиным была сделана правка и был проставлен год

написания стихотворения – 1817. Однако стихотворение было вычеркнуто поэтом из оглавления цензурой рукописи, посланного поэту Плетневым в письме от 26 сентября 1825 г. Рядом Пушкиным было написано «Не нужно». По словам Анненкова, видевшего цензурную рукопись, «уже одобренное цензором, оно было зачеркнуто и уничтожено в ней самим автором» [Цит. по: Томашевский, 1934, с.842]. Таким образом, мы видим первоначальное намерение поэта сделать произведение достоянием читательской публики, которое изменилось в сентябре 1825 года. Заметим, что «Я помню чудное мгновенье...» было написано незадолго до этого и оказалось в руках Керн (как это произошло, известно из ее воспоминаний). Б.П. Городецкий, также подметивший в свое время сходство обоих стихотворений, мотивировал отказ Пушкина печатать «К ней» следующим образом: «По-видимому, это было вызвано тем, что к данному времени уже было написано стихотворение «Я помню чудное мгновенье», где с несравненно большей силой, глубиной и художественным совершенством разработана та же тема возрождения» [Городецкий 1962: 173]. Закономерное объяснение, но истинный мотив остается невыявленным. Известно, что в планы Пушкина не входило включение стихотворения «К***» в сборник 1826 года. Оно появилось в печати в 1827 году и совсем не по инициативе Пушкина. Керн отдала его Дельвигу, который просил разрешения Пушкина его напечатать.

Обратимся к текстам обоих стихотворений. Сходство их разительное. Схожи уже сами заглавия («К ней» и «К***»). Важно отметить, что в правках того же 1825 года название было зачеркнуто, восстановлено и вновь зачеркнуто. Пушкин явно в чем-то колебался. Похоже, соотнесений он не желал. Но по какой причине? «К***» к тому времени было принято Керн на свой счет, в то время как в 1817 году, когда было написано «К ней», Пушкин еще не был знаком с Керн. Первая встреча с ней состоялась только в 1819 году. К слову, обстоятельства встречи и поведение Пушкина тогда мало говорят за то, что это было «чудное мгновенье» и что он видел перед собой «гения чистой красоты» (семантика образа очень глубокая).

С одной стороны, схожесть стихотворений может быть связана с одним и тем же адресатом (и тогда им не может быть Керн), с другой – если адресаты разные, могла вызывать недоумение такая идентичность поэтических ситуаций. Ни то, ни другое не должно было быть обнаружено. И если бы стихотворение «К***» осталось неизвестным, что и случилось бы, не попади оно к Керн, Пушкину не пришлось бы менять планы в отношении стихотворения «К ней».

Если говорить о версиях адресата стихотворения «К ней», то их немного. М.А. Цявловский относил стихотворение к бакунинскому циклу. И.С.Чистовой в статье «К кому обращено стихотворение А. С. Пушкина «К ней»?» высказывалось предположение относительно Авдотьи Голицыной. В стихотворении есть строки:

*Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...* [Пушкин, 2004, 2(1), с.11]

Догадка автора статьи строится на слове «добродетель», которое «в стихах кажется чужеродным, неуместным. <...> оно создает своего рода конфликт на лексическом уровне, входя в противоречие с окружением» [Чистова, 1996, с.6].

Заметим, что Пушкин выделяет это слово графически, ставя после него многоточие. Поэтому, если тут и есть какое-то противоречие, Пушкин не был намерен его сглаживать. И.С.Чистова пишет: «Попытки найти причину стилистической «погрешности», введения в текст «нестилевого» слова приводят к мысли о его, условно говоря, биографически бытовом происхождении» [Чистова, 1996, с.6]. Поиски этого происхождения приводят автора статьи к Голицыной, в кругу которой добродетель была одним из ключевых идеологических понятий и, по мнению Чистовой, качеством самой Голицыной. Однако следует отметить (это делает и сама автор статьи, но обходит стороной значимость этого факта), что круг Голицыной был связан с сообществом «друзей Елизаветы», имевших намерение возвести на престол «добродетельную» государыню Елизавету Алексеевну. Добродетель была именно ее часто подчеркиваемым качеством. Оно воспевалось во многих поэтических обращениях к ней (Н.Язвницкий, А.Никитин, Ф.Глинка). У Карамзина, которого связывала с Елизаветой тесная дружба, есть стихотворение «К портрету ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны» (1819), в котором также упомянуто это качество:

*Корона на главе, а в сердце добродетель;
Душой пленяет ум, умом душе мила;
В благодетельствах ей только бог свидетель;
Хвалима... но пред ней безмолвствует хвала. [Карамзин, 1966, с.312]*

Сам Пушкин упоминает это слово и в стихотворении «К Н.Я. П<люсковой>» (1819), единственном, однозначно посвященном императрице²:

*Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой. [Пушкин, 2004, 2(1), с.37]*

В стихотворении «К ней» после стиха, заканчивавшегося словом «добродетель» в тетради Всевожского шли следующие строки:

*Тебя увидел я... нет! В сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый. [Пушкин, 2004, 2(1), с.132]*

В том же 1825 году эти строки также зачеркиваются. Стихотворение в его каноническом варианте сейчас тоже печатается без них. В этом действии Пушкина вновь виден след «Я помню чудное мгновенье...», так как очевидно, что в

---

² Варианты стихотворения в разных списках были озаглавлены «К И<мператрице> Е.А.», «К императрице Елисавете», «Елизавете» и др. в том же роде. Впервые опубликованное в 10-ом номере «Соревнователя Просвещения и Благодетельства» в 1819 году оно вышло под названием: «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее Императорского величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны» с подписью «А.П...н».

измененном виде эти строки теперь появляются в новом стихотворении, то есть, происходит перенос строк из чернового варианта одного стихотворения в другое.

Сравним оба текста:

«К ней»

«K***»

(с восстановлением зачеркнутых строк)

Тебя увидел я... Нет! В сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! Он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый.
Хвала любви, хвала богам!

Вновь лиры сладостной раздался голос

юный,

И с звонким трепетом воскреснувшие

струны

Несу к твоим ногам!..

*Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

И сердце бьется в упоенье,

И для него воскресли вновь

И божество, и вдохновенье,

И жизнь, и слезы, и любовь.

[Пушкин, 2019, 3(1), с.50]

С восстановленными строками описанные переживания в обоих стихотворениях становятся практически идентичными. Лирический герой встречает возлюбленную («Тебя увидел я» и «И вот опять явилась ты»), это пробуждает сначала душу («Душа проснулась, ожила» и «Душе настало пробужденье»), а потом воскресает вдохновение («И с звонким трепетом воскреснувшие струны» и «И для него воскресли вновь... И божество, и вдохновенье...»). В обоих стихотворениях схож также прием включения синонимичного ряда в сходном контексте. Сначала об утраченном говорится:

Вас вновь я призывал, о дни моей весны,

Вы, пролетевшие под сенью тишины,

Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,

(«К ней») [Пушкин, 2004, 2(1), с.11]

И

Тянулись тихо дни мои

Без божества, без вдохновенья,

Без слез, без жизни, без любви. («К***») [Пушкин, 2019, 3(1), с.50]

А затем – о вновь обретенном:

Душа проснулась, ожила, —

Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.

(«К ней») [Пушкин, 2004, 2(1), с.11]

И

*И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь. («К***») [Пушкин, 2019, 3(1), с.50]*

Данный анализ показывает, что стихотворения являются своего рода близнецами. Могли ли они при такой схожести друг с другом принадлежать разным женщинам? В принципе, все возможно, но сомнительно. Посмотрим дальше.

Обратимся к уже упомянутому нами стихотворению «К Н.Я. П<люсковой>», в частности, к работе Пушкина над ним. Последняя известная его правка относится предположительно к сентябрю того же 1825 года, когда Пушкин вычеркивает приводимые ниже стихи с 13 по 16 строки, относящиеся непосредственно к личности Елизаветы:

*Небесного земной свидетель
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой. [Пушкин, 2004, 2(1), с.37]*

В этих строках сосредоточено все то, что содержится в рассмотренных стихотворениях (небесная природа адресата, добродетель, как ее основное качество и красота). И с этим стихотворением происходит то же самое. Оно исключается Пушкиным из готовившегося сборника стихотворений 1826 года, хотя сперва тоже входило в его оглавление. Посмотрим, какую трансформацию претерпевала эта часть стихотворения в вариантах различных копий, а также при его написании.

Окончательный вариант:
Небесного земной свидетель

Другие варианты:
*Небесной кротости свидетель
Небесной благости свидетель
[Пушкин, 2016, 2(2), с.166]*

*Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой*

*Я пел с восторгом добродетель
С ее пленительной красой
[Пушкин, 2016, 2(2), с.167]*

Между 16 и 17 стихами были также варианты «Со взором благости небесной», «Со взором Ангела приветным» [Пушкин, 2016, 2(1), с.165]. Есть также неоконченные строки, посвященные улыбке адресата («С улыбкой голосом», «С улыбкой мира» [Там же]). Также обращает на себя внимание передача состояния вдохновения в вариантах белого автографа. После строки «Но признаюсь – под Геликоном» Пушкин пытается выразить состояние, перебирая варианты («Бродя с задумчивой душой», неоконченное «В задум < >, «душой задум< чивой>» [Пушкин, 2016, 2(1), с.164]). После строки «Где Касталийский ток шумел» был вариант «Один [в з < >] задумчиво сидел», «Счастлив задумчиво сидел» [Там же]). Одним из вариантов стиха «Елисавету тайне пел» было «Я пел в восторге, в упоеньи» [Там же]. Ср. «И сердце бьется в упоенье» из «К***». В окончательной редакции от этих вариантов не остается и следа, что понятно, так как в них

слишком личное отношение поэта к адресату, которое постепенно вытесняется. Но для нас важным является то, что словоупотребления из «К***» уже были в вариантах стихотворения, однозначно посвященного Елизавете.

В нем же есть еще одна перекличка со стихотворением «К ней». Строчке «*Природы вновь восторженный свидетель*» в стихотворении «К Н.Я.П.<люсковой>» соответствует «*Природу лишь учася славить*» («К ней»). Сейчас в большинстве изданий на месте слова «Природу» стоит слово «Свободу». Как отмечено в примечаниях второго тома (книга первая) полного собрания сочинений Пушкина в 20-ти томах (2004), эта замена производилась в соответствии с чтением ряда копий, но подобное решение нельзя считать оправданным, так как слово «свобода» отсутствует и в черновом, и в беловом автографах стихотворения. По мнению авторов примечаний, оно является читательской интерполяцией с целью усилить оппозиционность текста» [Пушкин, 2004, 2(1), с.554]. Для нашего случая первоначальный вариант имеет принципиальное значение.

Если бы не стихотворение «К ней», идея воскресшего вдохновения в стихотворении к «К***» благодаря позаимствованной у Жуковского строчке могла показаться в нем у Пушкина вторичной. Ведь «Я музу юную, бывало...» (1824) Жуковского написано именно на тему утраченного вдохновения. По годам видно, что у Пушкина эта тема появляется за 4 года до написания Жуковским «Лаллы Рук» и за 7 лет до «Я музу юную, бывало...». Конечно, идея не нова – муза-вдохновительница и пробужденное вдохновение – но так как нас интересует конкретный ограниченный круг текстов обоих поэтов, это уточнение в контексте интертекстуальных связей мы считаем немаловажным. Итак, в 1817 году Пушкин пишет «К ней», в 1821 Жуковский пишет «Лаллу Рук» и «Явление поэзии в виде Лалла Рук», а в 1824 году – «Я музу юную бывало...». Затем появляется стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина как своего рода близнец стихотворения «К ней», но теперь оно обогащено строкой «Гений чистой красоты», относящейся у ее автора к особе королевских кровей.

Стихотворением «К ней» обозначенная тема у раннего Пушкина не исчерпывается. В 1818 году Пушкин пишет набросок «Дубравы, где в тиши свободы...»³. Согласно общепринятому мнению, по черновикам поэта трудно определить, является ли этот набросок единым стихотворением с отрывками, которые позже были дописаны в процессе доработки на одной с ним странице и отделены от него горизонтальной линией. В этом стихотворении читаем:

*Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.
И для [меня] воскресла радость
И душу взволновали вновь
Моя потеря<ная> млад<ость>,
Тоски мучительная сладость
[И] ты, о [первая] любовь. [Пушкин 2004, 2(1), с.93]*

---

³ В полном собрании сочинений Пушкина в 20-ти томах оно печатается в томе 2, книге первой (2004) в разделе «Стихотворения, оставленные в черновиках и набросках».

Большинство исследователей за некоторым исключением справедливо считает, что стихотворение связано с Царским Селом. Вновь обратимся к работе Пушкина над рукописями. Первый вариант был написан на листе 43 Лицейской тетради и уже содержал в себе мотив стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Ср. «*И для меня воскресла радость*» и «*И для него воскресли вновь*»; «*И душу взволновали вновь*» и «*Душе настало пробужденье*». Этот мотив углубляется в дорабатываемом варианте на обороте листа 44. Известно, что Пушкин часто вписывал более поздние произведения на свободные листы. Если первый черновой набросок датируется исследователями предположительно августом – ноябрем 1818 года, то продолжение работы над ним относят предположительно к весне (не ранее 10-х чисел марта) 1819 г.⁴ Проследим за изменениями. Если в первоначальном варианте в сердце лирического героя «*проснулась / Давно забытая печаль*», то в новом варианте, наоборот – «*воскресла радость*». Эти строки в наброске в разных вариантах варьируются. Пушкин ищет подходящий: «*Где ты минувшей жизни радость?*», «*Я здесь оставил жизни радость*», «*Нахожу вновь / Мою потерянную радость*» [Пушкин 2004, 2(1), 231]. Здесь же появляется «*слёз сладость*», а также – «*И душу взволновали вновь*». Возникают вопросы. Во-первых, что так кардинально изменило печаль на радость? Во-вторых, с кем связано переживание? В варианте доработки, обозначенном в собрании сочинений Пушкина в качестве «основного черновика» появляются строки, обрисовывающие два образа возлюбленной, отличающихся друг от друга. Оба отрывка отделены от основного и друг от друга горизонтальной линией. Первый из них следующий:

А И ты, которая навек
а. Меня к унынию приучила
б. Меня безумью научила
Б а. [Пред<нрзб>] < > Гений мой
б. Чудесный Ангел, < > мой
в. Чудесный < >, Гений мой
а. Не ты ль жестокою кра<сой>
Меня безумью научила
б. Не ты ль меня < >
Любви безумью научила
в. Не ты ль меня < >
[Лю<бви?>] Безумной страсти научила
г. Не ты ль < >
Меня страд.<анью> покор.<ила> [Пушкин, 2004, 2(1), с.231]

Здесь мы вновь видим переключки и усматриваем сходство с «Гением чистой красоты», и Ангелом из вариантов «К Н.Я. П<люсковой>», а также сложное душевное переживание любви, чего нельзя сказать о следующем отрывке, который, по всей видимости, относится уже к другой женщине, подчеркнуто юной особе (Елизавета была старше Пушкина на 20 лет). При этом в указанном нами собрании

⁴ Об этом смотри там же, с. 654.

сочинений с «Дубравами» печатается не первый, а второй отрывок при сохранении между ними горизонтальной линии, как в пушкинской рукописи, хотя именно приведенный нами отрывок был написан Пушкиным как продолжение начальных 9-ти строк. Об этом говорит и сходное построение конца первого отрывка и начала второго (ср. «*[И] ты, о [первая] любовь*» и «*И ты, которая навек*»).

Описанная в стихотворении ситуация связывается поэтом с чувством первой любви. Этот факт подчеркнут и эпиграфом из К.Виланда «*O Zauberei der ersten Liebe!*». Строка позаимствована из поэмы Виланда «Первая любовь», имевшей, подзаголовок «К Психее». Интересно, что с Психеей современники соотносили Елизавету. Есть немало свидетельств этого соотнесения. Например, стихотворение Державина «Амур и Психея», написанное по случаю обручения Елизаветы и Александра. Соотнесение это было практически общепринятым. Так, А. Крылов-Толстикович в книге «Императрица Елизавета Алексеевна» пишет: «Александр и Елизавета – юные молодожены, в духе эпохи, были немедленно наречены Амуром и Психеей. Во всех столичных книжных лавках продавали гравюры с Амуром, ловящим бабочку или изображающие двух влюбленных в страстных объятиях» [Крылов-Толстикович, 2012]. На обложке своих стихотворений 1826 года он хотел видеть именно Психею. Из письма поэта брату Льву и П.Плетневу от 15 марта 1825 года: «Виньетку бы не худо: даже можно, даже нужно – даже ради Христа, сделайте; именно: *Психея, которая задумалась над цветком...*» [Пушкин, 1951, 10, с.130]. Обложку сделать не удалось, а стихотворения, предположительно посвященные Елизавете, как мы видим, из сборника были изъяты.

Обратимся к контексту той части стихотворения Виланда, где упоминается Психея:

*O gute Psyche, welch ein Leben,
Hätt' ihm ein günstiges Geschick
Ein wenig Dauer nur gegeben!
Denn, ach! es war ein **Augenblick!** [Wieland 2024]**

В последней строке речь идет о мгновении, о кратковременном свидании, дарованном судьбой (Ср. «Я помню чудное мгновенье»). Взятая для эпиграфа строка помещена Виландом в следующий контекст:

*O Zauberei der ersten Liebe!
Noch jetzt, da schon zum Abend sich
Mein Leben neigt, beglückst du mich!
Noch denk' ich mit Entzücken dich,
Du **Götterstand** der ersten Liebe!
Was hat dieß Leben, das dir gleicht,
Du schöner Irrthum schöner Seelen? [Wieland 2024]*

Их подстрочный перевод:

---

* Везде выделено нами – **М.М.**

*О, волшебство первой любви!
Даже сейчас, когда уже клонится к вечеру
Моя жизнь, ты делаешь меня счастливым!
Я все еще с восторгом думаю о тебе,
Ты божество первой любви!
Что есть еще в этой жизни, что сравнится с тобой,
Ты прекрасное заблуждение прекрасных душ?*

Здесь мы находим божественность (Götterstand) первой любви (ср. «*божество*» из стихотворения «К***»), а также сочетание «*schöner Seelen*», которое имеет особое значение в мировоззренческой концепции Виланда (у него даже есть эссе под названием «Was ist eine schöne Seele?»), в свое время усвоенной, как отмечает С.А. Салова, Г. Державиным. Под «*schöner Seelen*» понимается то, что получило название калокагии. Р.Ю. Данилевский писал: «Из философии Шафтсбери он (Виланд – М.М.) заимствовал и мысль о тесной взаимосвязанности морали и эстетики, возрожденную Платонову «калокагию» — единство добра и красоты» [Данилевский, 1978]. Другими словами, в идее «*schöne Seele*» мы наблюдаем то же сочетание качеств, которое находим в стихотворении Пушкина «К Н.Я. П<люсковой>» («*Я пел на троне добродетель / С ее приветною красой*»), черновой автограф которого, что является в данном случае очень важным фактом, также был написан на обороте 44 листа Лицейской тетради, по которому, собственно, и определяют дату продолжения работы над «Дубравами...» [Пушкин, 2004, 2(1), с.655]. О многом говорит это соседство двух стихотворений. А причиной смены печали на радость могла стать обращенная к поэту просьба о написании стихов, посвященных императрице. Вспомним, что стихотворение было опубликовано в 1819 под названием «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны». Известно также свидетельство П.П. Каверина о том, что сама императрица в год своего сорокалетия, когда ей посвящалось немало стихов, выразила желание, чтобы и Пушкиным было что-то написано для нее. Это свидетельство приводит Ю.Н. Щербачёв в своей книге «Приятели Пушкина: Михаил Андреевич Щербинин и Пётр Павлович Каверин»: «Императрица Елизавета спрашивала Жуковского, который в то время Александре Феодоровне по-русски уроки давал, от чего Пушкин сочиняя хорошо – ничего не напишет для нее. Пушкин послал: На лире скромной благородной и проч.» (орфография изменена) [Щербачев, 1912, с.78]

Итак, мы видим, что из двух поэтов Пушкин не только первым создает, но и всячески варьирует поэтическую ситуацию в своего рода цикле стихотворений с единой центральной ситуацией, и, по-видимому, с одним адресатом, а затем в 1825 году объединяет все это в стихотворении «К***», снабжая его строчкой Жуковского, и фактически вводя в него аллюзию на царствующую особу, а также комплекс мотивов, заложенных в претексте.

Пушкин и Жуковский: интертекстуальные переключки и их семантическое поле

Согласно законам интертекста, цитата всегда расширяет семантическое поле произведения за счет содержания претекста. И в данном случае сопоставление текстов двух поэтов может в определенной степени помочь в дешифровке пушкинского текста и его адресата, особенно, если учесть, что переключка стихотворений Пушкина и Жуковского состоит не только в известной строке. Выражение «мимо-летное виденье» также отсылает нас к стихотворению Жуковского. Оно соответствует следующим строкам из «Лаллы Рук»:

*Я смотрел — а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратно;
Я за ним — его уж нет!
Посетил, как упоенье;
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был! [Жуковский, 2000, 2, с.223]*

Именно за ними и следует четверостишие, содержащее позаимствованное выражение:

*Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты; [Жуковский, 2000, 2, с.223]*

Это значимые строки с учетом редких возможностей встреч и пересечений Пушкина с Елизаветой. В обоих стихотворениях «Гений чистой красоты» обладает чертами небожителя. У Пушкина образ возлюбленной наделен «небесными чертами» и «голосом нежным»⁵, а сама она соотносится с переживанием божественного.

В этом контексте обратимся еще к одному стихотворению Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830), в котором в образе «величавой жены» вновь, уже после смерти императрицы, возникает ее образ.

Относительно этого стихотворения у исследователей также нет единого мнения. Оно рассматривалось и как инсказательное обращение к европейской культуре, и как автобиографическая зарисовка и даже как религиозная аллегория. Все они не исключают друг друга, а лишь говорят о многоплановости произведений Пушкина, позволяющей видеть в них разные грани смысла. Мы опустим

---

⁵ Актуально в контексте многочисленных упоминаний современников чарующего голоса Елизаветы. Например, фрейлина императрицы, княгиня Софья Мадатова замечала о Елизавете: «Приятный звук ее голоса мог очаровать самого равнодушного человека...». [Цит. по: Готовцева, 2011, с.175]

здесь обзор различных толкований, остановившись лишь на тех из них, которые актуальны для решения нашей задачи. Мы придерживаемся мнения, что в стихотворении речь идет о лицейских впечатлениях Пушкина. Если его интерпретировать только в духе так называемых «медиевистской» или «дантовской» интерпретаций, оно утрачивает важный автобиографический подтекст, так как в нем речь идет о царскосельских воспоминаниях поэта, что неоднократно и убедительно было показано разными исследователями. В.И. Гарипова в статье «В начале жизни школу помню я...» (о комментировании пушкинской лирики)» последовательно и убедительно доказывает, что в образе «величавой жены» выведена императрица. Мы же вновь обратимся к интертексту и сравним этот образ с образом Лаллы Рук Жуковского.

Вот строки из стихотворения Пушкина:

*Смиренная, одетая убого,
Но видом величаясь жена
Над школою надзор хранила строго.*

*Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.*

*Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса,
Но я вникал в ее беседы мало.*

*Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса. [Пушкин, 1950, 3, с.202]*

В описании «величавой жены» используются высокие «чело» (дважды), «очи», «уста», «взоры». «Сладкий голос» (ср. «голос нежный» из «К***»), очи «как небеса» (ср. «небесные черты»), «строгая краса» – все это создает образ возвышенной красоты, настолько высокой, что его даже соотносили с образом Богородицы. Например, православный священник Б.А.Васильев в своей книге «Духовный путь Пушкина» пишет: «"Величаясь жена" – икона «Знамение» – чудотворный образ, который символизирует христианское мировоззрение и веру» [Васильев, 1995, с.90]. Автор отмечает, что эта икона «находилась в Знаменской церкви, построенной по указу Елизаветы Петровны в березовой роще близ Лицея» [Васильев, 1995, с.186]. Совсем не исключено, что черты образа Богородицы с этой иконы и впечатление от нее могли отразиться в стихотворении и были перенесены на образ «величавой жены», но эту версию трудно разделить безоговорочно, так как «величаясь жена» в стихотворении выступает в качестве реальной женщины. Если строки «*Над школою надзор хранила строго*» интерпретировать символически, то только в качестве второго плана значений, так как реальная роль императрицы в Царскосельском Лицее хорошо известна. Отнести же на счет иконы «сладкий

голос», беседу с «младенцами» (лицеистами), которые окружали ее толпой, уже весьма затруднительно.

К теме Богоматери мы еще вернемся, а пока приведем интертекстуальные переклички между двумя стихотворениями. Выделим и те места, которые перекликаются с уже проанализированными стихотворениями.

Жуковский «Лалла Рук»:

И блистая и пленяя —

*Словно **ангел неземной** -*

***Непорочность** молодая*

Появилась предо мной;

Светлый завес покрывала

Отенял ее черты,

И застенчиво склоняла

Взор умильный с высоты.

*Все — и робкая **стыдливость***

Под сиянием венца,

И младенческая живость,

И величие лица,

И в чертах глубокость чувства

С безмятежной тишиной —

Все в ней было без искусства

Неописанной красой!

[Жуковский, 2000, 2, с.222]

Пушкин «В начале жизни школу помню я»

Ее чела я помню покрывало

И очи светлые, как небеса,

Но я вникал в ее беседы мало.

Вариант первоначального текста
белового автографа:

*Одетая **стыдливо** и убого⁶*

.....

*Меня смущала **строгая краса***

*Ее чела, **спокойных уст и взоров,***

И полные святыни слова.

[Пушкин, 1950, 3, с.202]

Из сопоставления видно, что в 1830 году при обращении к образу императрицы стихотворение Жуковского вновь послужило Пушкину своего рода претекстом. Жуковский, согласно своему духовному мировоззрению, развивает мысль о нездешней природе Гения чистой красоты. В обоих стихотворениях мы видим практически божественный лик описываемых образов.

Вернемся к стихотворению «К***». Известно предположение о том, что у Керн стихотворение оказалось случайно, возможно из-за пушкинской рассеянности. Традиционно отнесение стихотворения к Керн строится на биографических фактах о первой встрече Пушкина с ней и позже на ее пребывании и общении с Пушкиным в Михайловском. Но известно, что в то же время, в сентябре 1825 года, императрица должна была проезжать недалеко от Михайловского по пути в Таганрог. Известно об отлучке Пушкина из Михайловского именно в то самое время, являющейся одним из непрясленных фактов в биографии поэта. О планах

⁶ В окончательной редакции – «Смирная, одетая убого». Слово «убого» кажется странным в отношении императрицы, но оно объяснимо. Речь может идти о её скромном наряде. Ф.Толстой в своих воспоминаниях писал: «Я жил летом в Царском Селе. <...> Введенный Николаем Михайловичем Лонгиновым в кабинет Государыни, я был поражен как простотой ее туалета, так и обстановкой кабинета. На Елизавете Алексеевне было простенькое, безо всякого украшения платье обыкновенной летней материи, с накинутой на шею и плечи батистовой косынкой, заколотой обыкновенной булавкой» [Цит. по: Викторова, 2014, с.71]

императрицы Пушкину могли сообщить, и он мог написать ей это стихотворение, планируя вручить его вместе с экземпляром первой главы «Евгения Онегин» (отдельного издания)⁷. Пушкин пишет стихотворение не позднее 19 июля. Полемизируя с версией С.Ржеутского о том, что стихи были адресованы императрице, а к Керн попали случайно, Е.Н.Егорова пишет: «Зачем вообще было заранее, почти за два месяца до предполагаемой встречи готовить «послание» к Елизавете Алексеевне, которая останавливалась на станции Ашево близ Святогорского монастыря 6 сентября 1825 года?» [Егорова, 2008]. На наш взгляд, здесь не учитывается психология влюбленного человека. Известие о возможной встрече могло всколыхнуть в душе поэта воспоминания и зародить надежду на встречу. Не случайно он пишет: *«И вот опять явилась ты»*. И явление это вновь как «мимолетное виденье», чего нельзя сказать о Керн, жившей в Тригорском недалеко от Михайловского около месяца и часто общавшейся там с Пушкиным, о чем тоже можно узнать из ее воспоминаний. Трудно соотнести с «чудным мгновеньем» и «мимолетным виденьем» и первую встречу Пушкина с Керн, описанную в ее воспоминаниях. А вот то, как Пушкин впервые увидел императрицу, с этим переживанием легко соотносится. Это произошло на открытии Лицея в 1811 году, когда Пушкину было 12. Это объясняет и соотнесенность чувства с первой любовью.

Неоднократно возникал вопрос, почему достаточно простое и непритязательное стихотворение стало шедевром русской поэзии? Возможно, потому что оно несло в себе мощный заряд пушкинского чувства и в нем таилось намного больше, чем было сказано, и о нем можно было бы сказать словами Белинского, писавшего о «Евгении Онегине»: «Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его».

Итак, Пушкин продолжает тему, начатую в 1817 году, но благодаря поэтизированной строке смысл стихотворения существенно расширяется, в том числе и до имплицитного указания на адресата, а позже, уже после смерти Елизаветы, ее образ вновь рисуется в чертах, сходных с образом Лаллы Рук Жуковского.

С одной стороны, благодаря строке претекста в стихотворение Пушкина входит многое из того, о чем уже не было надобности говорить, но благодаря интертексту могло быть прочитано между строк. С другой – все это звучало уже в других рассмотренных стихотворениях Пушкина и нисколько не противоречило восприятию облика адресата, в отличие от версии о Керн. Обобщим мотивы Жуковского, которые стояли за строкой «Гений чистой красоты» и работают в контексте других разобранных нами стихотворений Пушкина.

1. Адресат стихотворения – женщина королевских кровей с уникальным сочетанием небесной красоты и скромности («Она пленяла красотой, / Своей не зная красоты» [Жуковский, 2000, 2, с.224]) Фрейлины Императрицы, княгиня Софья Мадатова, Екатерина Дашкова говорили об исключительной скромности и непритязательности Елизаветы. Отсюда, кстати строка Пушкина «смирненная, одетая убого».

2. С ней связаны первые поэтические вдохновения поэта и первая любовь. Вспомним эпиграф Пушкина о первой любви и факт первой встречи с Елизаветой

---

⁷ Керн ошибочно указывала на вторую главу, которая вышла в свет только в 1826 году.

во время открытия Лицея в 1811 году. У Жуковского в «Явлении поэзии....» читаем:

*Как утро нового творенья,
Она пленительно пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла. [Жуковский, 2000, 2, с.224]*

3. Она неизменная муза поэта, неиссякаемый источник его вдохновения. (У Жуковского: «*Богиня песней*», «*При ней все мысли наши — пенье!*»; «*Я музу юную, бывало, / Встречал в подлунной стороне, / И Вдохновение летало / С небес, незваное, ко мне*» [Жуковский, 2000, 2, с.234].

4. С ней связан дух возрождения («*Она казалась прекрасной / Всеобновляющей весной*»; [Жуковский, 2000, 2, с.225])

5. Она обладает божественным, нездешним обликом:

*Сама гармония святая —
Ее, как мнилось, бытие,
И мнилось, душу разрешая,
Манила в рай она ее. [Жуковский, 2000, 2, с.225]*

О последнем мотиве следует сказать особо, обращаясь уже к эссе Жуковского «Рафаэлева Мадонна». Оно было частью письма Жуковского великой княгине Александре Федоровне от 29 июня 1821 г. и включало автоцитату стихов 49–56, 61–64 из стихотворения «Лалла Рук». «Эссе «Рафаэлева Мадонна», опубликованное в ПЗ («Полярной звезде» – М.М) на 1824 год, стало не только эстетическим манифестом романтического искусства Жуковского; это была еще и первая фрагментарная публикация стихотворения «Лалла Рук» до его первой полной публикации в МТ («Московский телеграф» – М.М)» [Жуковский, 2000, 2, с.600]. Альманах «Полярная звезда» был прочитан Пушкиным в начале 1824 года.

Эссе написано по поводу созерцания Жуковским Сикстинской Мадонны⁸ в Дрезденской галерее. Заметим, что в пушкинских текстах есть переключки с этим эссе, связанные с темой возвышенного божественного вдохновения. Например, в одной из маленьких трагедий, посвященных этой теме, Сальери, возмущенный плохим исполнением слепым скрипачом музыки Моцарта, с досадой говорит:

*Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля [Пушкин, 1950, 3, с.360]*

Похожая реакция на искажение великого произведения искусства есть в самом начале эссе Жуковского, где поэт сообщает, что у него было несколько неудавшихся попыток насладиться Мадонной Рафаэля, в одну из которых перед картиной «*торчала какая-то фигурка с пудреною головою*» и что «*эта проклятая*

---

⁸ К слову отметим, что в кабинете-библиотеке Елизаветы Алексеевны висела большая копия этой картины. И хотя стихотворение Пушкина «Мадонна» – это другая история, невольно вспоминаются и строки из него.

фигурка еще держала в своей дерзкой руке кисть и беспощадно ругалась над великою душою Рафаэля, которая вся в этом чудесном творении» [Жуковский, 2004, 13, с.188] В заключительной части эссе Жуковский вновь возвращается к мысли о невозможности воспроизвести картину: «И в самом деле надобно быть или безрассудным, или просто механическим **маляром** без души, чтобы осмелиться списывать эту Мадонну» [Жуковский, 2004, 13, с.188]. В эссе Жуковского прослеживается и мысль о божественной природе вдохновения, связанной с историей написания картины: «Сказывают, что Рафаэль, натянув полотно свое для этой картины, долго не знал, что на нем будет: вдохновение не приходило; однажды он заснул с мыслию о Мадонне, и верно какой-нибудь ангел разбудил его — он вскочил! Она здесь! закричав, он указал на полотно и начертил первый рисунок. И в самом деле, это не картина, а **видение**» [Там же]. Явившаяся Рафаэлю во сне Мадонна стала его Музой, вдохновительницей. В этом эссе у Жуковского вновь появляется «Гений чистой красоты». Поэт описывает почти эзотерическое переживание собственной души, которое он испытал перед картиной: «Я был один, вокруг меня было все тихо; сперва с некоторым усилием вошел в самого себя; потом ясно начал чувствовать, что душа распространялась; какое-то трогательное чувство величия в нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может. Гений чистой красоты был с нею» [Жуковский, 2004, 13, с.189]. Далее следуют его строки из стихотворения «Лалла Рук».

«Гений чистой красоты» в стихотворении Жуковского словно делает себя на мгновение зримым в женском облике, но такие мгновения всегда мимолетны. Вот почему картина названа Жуковским «божественным созданием» и «видением». В его эссе есть слова: «один раз душе человеческой было подобное откровение: дважды случиться оно не может» [Жуковский, 2004, 13, с.191]. Не так ли происходит в жизни человека с истинной любовью? У самого Жуковского такая любовь была к Марии Протасовой, у Пушкина, возможно, к императрице Елизавете. Именно такая преданность сердца описана Пушкиным в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный...», в одном из писем названном поэтом «Балладой о Рыцаре, влюбленном в Деву». Герой стихотворения всей душой предан Богоматери, но многое в стихотворении говорит о том, что это не религиозное чувство, а чувство к женщине, поднимающееся на небывалую высоту. И в нем опять «виденье»:

*Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему. [Пушкин, 1950, 3, с.114]*

В контексте нашей работы невозможно пройти мимо этого «виденья», вновь не вспомнив «К***». Эта параллель была отмечена и В.Я.Проппом, сравнивавшим три редакции стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» и пришедшим к выводам: «эта вещь насквозь лирическая» [Мартынова, Прозорова, 2002, с.301]; «весь замысел не о религиозном человеке, не о святом» [Там же]; «он увидел женщину во всем ее сиянии, во *внутреннем* блеске и свете» [Мартынова,

Прозорова, 2002, с.302]; «Он увидел такое воплощение женской красоты, чистоты, совершенства, по сравнению с которым все другие, т.е. земные женщины перестают существовать» [Там же]. Здесь вспоминается и мысль Томашевского по поводу строки Жуковского: «Пушкин воспользовался данной формулой Жуковского, хотя и не для того, чтобы воспроизвести поэтическую философию Жуковского, а чтобы возвести воспеваемый образ на высоту, равную по чистоте лирическим образам Жуковского» [Томашевский, 1961, с.79]. Ту же природу имеет и образ Богоматери в пушкинском стихотворении, за которым тоже может скрываться женщина, отношение к которой и отношения с которой совершенно особые, поднятые на недостижимую высоту. В первой версии стихотворения были слова *«тлея девственной любовью»*, замененные позже на *«полон верой и любовью»*. Замена стала невыразительной, в то время как первоначальный вариант мог отражать истинное положение дел – некая женщина была для Пушкина недоступна. Так где же во всем этом тонком диалоге текстов место Анне Петровне Керн, о которой Пушкин писал в письмах, порой совершенно не стесняясь в выражениях?

Заключение

Таким образом, интертекстуальный анализ нескольких стихотворений Пушкина с точки зрения образного и лексического строя произведений, перекличек тем и мотивов, а также с учетом особенностей работы поэта над текстом показывает, что стихотворение «К***» стоит в одном ряду с другими произведениями поэта, образующими своего рода единство и объединенными одним адресатом. К ним относятся «К ней», «Дубравы, где в тиши свободы...», «К Н.Я. П<люсковой>», «В начале жизни школу помню я...»). Это подтверждается и мотивами, которые вошли в пушкинское произведение вместе с позаимствованной из произведений Жуковского фразой «Гений чистой красоты». К ним относятся сопряженность образа возлюбленной с царствующей особой и женщиной высочайших нравственных достоинств и «небесной» красоты, мотивы первой любви и божественного вдохновения, связанные с образом женщины-Психеи/Ангела/Мадонны. Это тот случай, когда о цитате можно сказать словами О.Мандельштама: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна» [Мандельштам 1987, с.113] Позаимствованная Пушкиным у Жуковского строка «Гений чистой красоты» вводит в текст стихотворения целый комплекс дополнительных имплицитных смыслов, которые не укладываются в версию о Керн, как об адресате стихотворения, в то время, как все указывает на достоверность версии об императрице, способной в отличие от Керн оценить все его потаенные смыслы. Наш анализ показал значимость и решающую роль интертекстуального подхода в разрешении такого спорного вопроса, как проблема адресата. Мы считаем, что версию об императрице Елизавете Алексеевне пора признать убедительной и включать ее в комментарии и примечания к тексту пушкинского стихотворения, а также в учебники и учебные пособия.

MARIANNA MKRTCHYAN – *Intertextual Analysis of A.S. Pushkin's "I Remember a Wonderful Moment...": On the Controversy About the Addressee.* – The article is devoted to the intertextual analysis of Pushkin's poem "To***" ("A Magic Moment I Remember...") based on its comparison with the other poems by Pushkin and with the works of V.A. Zhukovsky, who is the author of the famous line "The genius of pure beauty".

The generally accepted addressee of the poem is A.P. Kern, although this version has been repeatedly questioned. The Empress Elisaveta Alexeevna is increasingly named as the addressee. This version has been expressed many times, but for the first time we have considered it from the standpoint of the intertextual approach. The analysis of the image of the beloved, the lexical structure of the several poems by Pushkin and intersections of their themes and motives, and also the features of the poet's work on the text drafts shows that the poem "To***" can be put in one row with other works that form a certain unity together and are united by the same addressee. These include "To her", "The Oak groves, where in the silence of the freedom...", "To N.Ya. P<lyuskova>", "At the beginning of my life I remember school..."). In turn, the line "The genius of pure beauty" borrowed by Pushkin from Zhukovsky introduces into the text of the poem a whole set of additional implicit meanings that do not fit into the version about Kern as its addressee.

The analysis of both poets' texts, one more time, insistently shows the necessity to review to whom the poem was addressed, as well as to include the second version into textbooks and tutorials.

Key words: "A Magic Moment I Remember...", "The genius of pure beauty", A.S. Pushkin, V.A. Zhukovsky, intertextual analysis, addressee of the poem, A.P. Kern, The Empress Elizaveta Alexeevna.

Источники

- Державин, Г.Р., 2019. *Собрание сочинений в 10-ти томах*. Т.1. Москва: Народное образование.
- Жуковский, В.А., 1999-2019. *Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах*. Москва: Языки русской культуры.
- Карамзин, Н.М., 1966. *Полное собрание стихотворений*. Москва-Ленинград, Советский писатель.
- Пушкин, А.С., 1950. *Полное собрание сочинений в 10-ти томах*. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950-1951.
- Пушкин, А.С., 2004. *Полное собрание сочинений в 20 томах*. Санкт-Петербург: Наука. 1999-2019.
- Wieland, Ch.M., 2024. *Die erste Liebe*. Projekt Gutenberg-De. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/wieland/gedichte/chap007.html> [дата обращения 12.09.2024]

Список научной литературы

- Аринштейн Л., 2012. *Пушкин: И про царей и про цариц*. Москва: Игра слов.
- Белецкий, А.И., 1964. *Избранные труды по теории литературы*. Москва: Просвещение.
- Варламова, И., 2014. Александр Пушкин мог быть влюблен в императрицу Елизавету. *Российская газета*, 127 (6399). URL: <https://rg.ru/2014/06/06/pushkin.html> [дата обращения 22.07.2024]
- Васильев, Б.А., 1995. *Духовный путь Пушкина*. Москва: Sam & Sam.
- Васильева, Л.Н., 2011. *Жена и Муза: Тайна Александра Пушкина*. Москва: Бослен.
- Викторова, К.П., 2014. *Пушкин и императрица. Тайная любовь*. Москва: Алгоритм.

- Гарипова, В.И., 2003. «В начале жизни школу помню я...» (о комментировании пушкинской лирики). URL: <https://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/pushkin.htm> [дата обращения 25.07.2024]
- Гаспаров, Б.М., 1996. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, Wien, 27.
- Городецкий, Б.П., 1962. Лирика Пушкина. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Готовцева А.Г., 2011. Как «природа» обернулась «свободой»: К истории публикации одного пушкинского текста в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Вестник РГГУ, 6(68)/11, сс.166-179.
- Данилевский, Р.Ю., 1978. Виланд и его «история абдеритов». В кн: К.М. Виланд. История абдеритов. М.: Наука. URL: <http://www.philology.ru/literature3/danilevsky-78.htm> [дата обращения 12.09.2024]
- Егорова, Е.Н., 2008. Кому посвящены стихи «Я помню чудное мгновенье». URL: <https://proza.ru/2008/08/28/5> [дата обращения 01.07.2024]
- Крылов-Толстикевич А., 2012. Императрица Елизавета Алексеевна. URL: <https://proza.ru/2012/11/18/409> [дата обращения 15.09.2024]
- Мандельштам, О.Э., 1987. Слово и культура: Статьи. Москва: Советский писатель.
- Мартынова, А.Н. и Прозорова, Н.А., 2002. Неизвестный В.Я. Пронп. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Салова, С.А., 2011. К.М. Виланд в рецепции Г.Р. Державина. Литературоведческий журнал, 28: Материалы III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте», сс.34-42.
- Смирнов, И.П., 1985. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. Wiener Slawistischer Almanach ·Sonderband, 17.
- Томашевский, Б.В., 1934. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.). В кн.: Литературное наследство. Т. 16/18. Александр Пушкин. Москва: Журнально-газетное объединение, сс.825-868.
- Томашевский, Б.В., 1961. Пушкин: [В 2 кн.] Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837)..]. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- Чистова И.С., 1996. К кому обращено стихотворение А.С. Пушкина «К ней»? Русская речь, 5, сс.3-10.
- Щербачев, Ю.Н., 1912. Приятели Пушкина. Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. Москва: Издание Императорского общества и древностей российских при московском университете.

References

- Arinshteyn L., 2012. Pushkin: *I pro tsarey i pro tsarits*. [*Pushin: Of Kings and Queens*]. Moscow: Igra slov Publ. (In Russian).
- Beletskiy, A.I., 1964. *Izbrannye trudy po teorii literatury*. [*Collected Works on Theory of Literature*]. Moscow: Prosveshhenie Publ. (In Russian).
- Varlamova, I., 2014. Aleksandr Pushkin mog byt' vlyublen v imperatritsu Elizavetu. [Alexander Pushkin May Have Been in Love with Empress Elizabeth]. Rossiyskaya gazeta, 127 (6399). URL: <https://rg.ru/2014/06/06/pushkin.html> [Accessed 22.07.2024] (In Russian).
- Vasil'ev, B.A., 1995. *Dukhovnyy put' Pushkina*. [*Pushkin's Spiritual Path*]. Moscow: Sam & Sam. Publ. (In Russian).
- Vasil'eva, L.N., 2011. *Zhena i Muza: Tayna Aleksandra Pushkina*. [*Wife and Muse: The Mystery of Alexander Pushkin*]. Moscow: Boslen. Publ. (In Russian).
- Viktorova, K.P., 2014. *Pushkin i imperatritsa. Taynaya lyubov'*. [*Pushkin and the Empress: The Secret Love*] Moscow: Algoritm. Publ. (In Russian).

- Garipova, V.I., 2003. «*V nachale zhizni shkolu pomnyu ya...*» (*o kommentirovanii pushkinskoy liriki*). [«*At the beginning of my life, I remember school*» (*about commenting on Pushkin's lyrics*)]. URL: <https://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/pushkin.htm> [Accessed 25.07.2024] (In Russian).
- Gasparov, B. M., 1996. *Poeticheskiy yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka*. [Alexander Pushkin's Poetic Diction as a Fact of Russian Literary Language History]. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, 27. (In Russian).
- Gorodetskiy, B.P., 1962. *Lirika Pushkina*. [Pushkin's Lyrics]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union. Publ. (In Russian).
- Gotovtseva A.G., 2011. Kak «priroda» obrnulas' «svobodoy»: K istorii publikatsii odnogo pushkinskogo teksta v zhurnale «Sorevnovatel' prosveshcheniya i blagotvorennya». [How «nature» turned into «freedom»: On the history of the publication of one of Pushkin's texts in the journal «Sorevnovatel' prosveshcheniya i blagotvorennya»] *Vestnik RGGU*, 6(68)/11, pp.166-179. (In Russian).
- Danilevskiy, R. Yu., 1978. Wieland i ego «istoriya abderitov». [Wieland and his «History of the Abderites»] In: Ch.M. Wieland. *Istoriya abderitov*. Moscow: Nauka. URL: <http://www.philology.ru/literature3/danilevsky-78.htm> [Accessed 12.09.2024] (In Russian).
- Egorova, E.N., 2008. *Komu posvyashcheny stikhi «Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e»*. [To Whom is the Poem «I remember a Wonderful moment...» dedicated?] URL: <https://proza.ru/2008/08/28/5> [Accessed 01.07.2024] (In Russian).
- Krylov-Tolstikovich A., 2012. *Imperatritsa Elizaveta Alekseevna*. [The Empress Elisaveta Alexeevna] <https://proza.ru/2012/11/18/409> [Accessed 15.09.2024] (In Russian).
- Mandel'shtam, O.E., 1987. *Slovo i kul'tura: Stat'i*. [Word and culture: Articles]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. Publ. (In Russian).
- Martynova, A. N. and Prozorova, N. A., 2002. *Neizvestnyy V.Ya. Propp*. [Unknown V.Ya. Propp]. St.Petersburg: Aleteyya. Publ. (In Russian).
- Salova, S.A., 2011. Ch.M. Wieland v receptsii G.R.Derzhavina. [Wieland in Derzhavin's reception] *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 28: *Materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma «Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste»*, pp.34-42. (In Russian).
- Smirnov, I.P., 1985. Porozhdenie interteksta. Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L.Pasternaka. [Generation of intertext (elements of intertextual analysis with examples from the works of. B. Pasternak). *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband*, 17. (In Russian).
- Tomashevskiy, B.V., 1934. Materialy po istorii pervogo sobraniya stihotvoreniy Pushkina (1826). [Materials on the History of the First Collection of Pushkin's poems (1826)] In.: *Literaturnoe nasledstvo*. T. 16/18. *Aleksandr Pushkin*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., pp.825-868. (In Russian).
- Tomashevskij, B.V., 1961. *Pushkin*. [In 2 books] Book 2. *Materialy k monografii (1824—1837)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union. Publ. (In Russian).
- Chistova I.S., 1996. K komu obrashcheno stihotvorenie A.S.Pushkina «K ney»? [To Whom is the Poem «To her» addressed]. *Russkaya rech'*, 5, pp.3-10. (In Russian).
- Shcherbachev, Yu.N., 1912. *Priyateli Pushkina. Mihail Andreevich Shcherbinin i Petr Pavlovich Kaverin*. [Pushkin's acquaintances Mihail Andreevich Shcherbinin i Petr Pavlovich Kaverin] Moscow: Imperial Society and Russian Antiquities at Moscow University Publ. (In Russian).